

Россия - ОПЕК

Москва, январь 2011

Круглый стол «Россия - ОПЕК»

Оганесян Армен Гарникович, главный редактор журнала «Международная жизнь», советник министра иностранных дел России: Рад вас всех приветствовать. Спасибо, что вы откликнулись на нашу просьбу принять участие в Круглом столе, который организован журналом «Международная жизнь» при поддержке МИД России, компании «СОЮЗНЕФТЕГАЗ», Фонда «Мировая политика и ресурсы». Если в сухом остатке сформулировать то, что мы хотели сегодня услышать, осознать – на какие ресурсы сотрудничества с ОПЕК может рассчитывать Россия и что она может использовать. Причем, с ОПЕК - организацией как таковой, так и с Фондом, на который она опирается. Как мне сказал представитель Российской Федерации в международных организациях в Вене, контакты у нас пока нулевые, на стадии взаимного при-

сматривания, хотя Фонд очень активно работает, осуществляет ряд проектов на пространстве стран СНГ. Наша беда, как правило, заключается в непоследовательности отраслевых ведомств, которые, вроде бы, должны поддерживать контакты независимо от политической конъюнктуры в мире. Есть все-таки структуры, с которыми не общаться или срывать какие-то встречи, которые были намечены заранее, просто нельзя. Не важно, как вы оцениваете современное состояние и нужны ли вам сиюминутные контакты. Есть хорошая русская поговорка: «Не плюй в колодец, когда-нибудь пригодится». Мы забываем и о народной мудрости, и о том, что есть структуры, которые нельзя игнорировать. Нас, конечно же, интересует весь комплекс проблем, которые так или иначе связаны с заданной темой Россия-ОПЕК.

Шафраник Юрий Константинович, президент компании «СОЮЗНЕФТЕГАЗ», руководитель Высшего горного совета России, председатель Совета Союза нефтегазопромышленников, глава комитета ТПП РФ по энергетической стратегии и развитию ТЭК:

У меня есть несколько тезисов. Первый – у России, действительно, не выработана – по крайней мере, я ее нигде не видел – линия поведения, условно ее назовем доктриной. Безусловно, есть очень много статей и позиций, но это все личностное. ОПЕК – это организация, объединяющая страны, а у России как официального лица нет доктрины - легальной, может быть, конфиденциальной. Какая же наша линия поведения, где плюсы и минусы нашего сотрудничества, в чем, где у нас легальная позиция, где нелегальная, которую мы не

очень афишируем. Далее. Главный вопрос на ближайшие десятилетия – значимы ли Россия и ОПЕК величины, какие еще величины в мире в углеводородном, нефтяном балансе значимы, или же тема сошла на «нет» и никаких доктрин не надо. На этот счет у меня есть точная убежденность в том, что Россия и ОПЕК – значимые величины, другое дело, что значение и влияние их меняется. В отношении ОПЕК большая разносортница во мнениях – положительные и отрицательные. Я вспоминаю выступление двухлетней давности министра нефти Саудовской Аравии, когда было только начало кризиса, спад цен. Он тогда очень обдуманно сказал, что колебания по ценам на нефть будут – ОПЕК официально выступает за такую позицию – не ниже 40 и не выше 60. Для России 40 было совсем плохо, а 60 – еще хуже. Министр обосновал, что нам, нефтедобывающим странам, крайне выгодно иметь оживление экономики, а уж затем решим, как заработать через рынок. И оживление мировой экономики он поставил главным. Я хотел сказать, что очень хорошо отношусь к ОПЕК-овской позиции, потому что с 60-х организа-

ция действует, а за последние 20 лет работает достаточно квалифицированно. Я уверен, что сотрудничество с ОПЕК России необходимо. ОПЕК хорош по влиянию динамикой, потому что 10 миллионов, выкинутых на свободный рынок или снятых со свободного рынка, добычи тонн нефти, безусловно, сразу влияет на цену. Можно добывать 500 и качать 500, но 10 миллионов. Иногда даже меньше, резко влияют на соотношение спроса и предложения, на цены, на финансы. Сразу от этого коммуникативный эффект. Динамика – за ОПЕК, не за Россией. Но база по нашей энергостратегии скромно, но росла – 535 миллионов. Если дело так пойдет, то мы будем влиять более стабильно. Мы находимся не в устойчивом состоянии по добычи нефти. Что касается вступления России в ОПЕК, то ни в коем случае, а говорить о взаимодействии, откровенных общениях с этой организацией просто необходимо. И, конечно, на встречах с министрами ОПЕК уровень представительства со стороны России должен быть равносильный.

Бушуев Виталий Васильевич, Генеральный директор Института энергетической стратегии:

Для того чтобы определить наши взаимоотношения с партнерами в мировом сообществе, надо иметь свой собственный взгляд на развитие той мировой энергетической ситуации не на текущий период, а на достаточно длительный.

Институт закончил большую работу по прогнозу развития мировой энергетики до 2050 года. Первую часть мы выпустили в виде белой книги «Глобальное развитие: устойчивое развитие». Вторую мы будем выпускать ближе к лету, распространяя ее и для зарубежных партнеров. При этом мы ориентировались на то, что прошедший кризис заставляет нас посмотреть не на ровную тенденцию развития мировой энергетики, а на появление новых «пузырей», новых кризисов, смену технологи-

ческих укладов, смену спроса на энергоносители и вообще на смену экономической парадигмы развития. Я хотел бы отметить три момента.

Первое: мы вступаем в период, когда глобализация, в частности энергетическая, уступает место энергетической регионализации. Многие страны-потребители взяли курс на развитие собственных энергетических источников, собственное энергообеспечение, и это серьёзнейшим образом влияет на позицию тех компаний или стран-экспортёров, которые были законодателями на рынке. Всё это продиктовано политическими мотивами – обеспечить независимость от внешних поставок. Это может оказать серьёзное влияние на положение стран-экспортёров. В первую очередь в том случае, если регионализация наберёт обороты, и тогда своими силами будут обеспечиваться 60% потребления производимыми собственными силами газа и нефти. Это приведёт к тому, что спрос на энергоносители, поступающий из наиболее развитых стран мира, может серьёзно сократиться. Поэтому кратковременный период 2012 года

представляется очень опасным.

Второй момент. Американцы сегодня начали серьёзно говорить о переводе своего транспорта на электромобили. Если эта тенденция не блеф, то к 20-му году США планируют перейти на 50 % на электромобили, а к 50-му году – на 80%. В этом случае, конечно, спрос на нефть серьёзнейшим образом упадет. С этими планами нельзя не считаться. Но если не заглядывать так далеко, а говорить о 14-16 годах, то ключевым моментом здесь является ценовой фактор – динамика цен. Здесь я уверенно могу сказать, что и Россия, и ОПЕК перестали влиять на политику цен на мировом рынке. Цены на мировом рынке определяют люди, владеющие свободным капиталом. Но, очевидно, ожидается спад цен на нефть. Пока все наши прогнозы оправдывались. В 2006 году мы говорили о облачных ценах – 60 долларов, далее цены превысили 100 долларов. С марта 2010 года говорили о подъеме цен, обусловленным не ростом экономики, а вливанием свободных капиталов в разные сектора, которые неизбежно перейдут в сырьевые ресурсы. Кратковременный период

2012 года нам представляется опасным. Мы должны говорить не о конкретной цене, а о тех рисках, которые могут произойти.

И, наконец, третий момент. Что касается взаимоотношения с ОПЕК, которая вызывает большое уважение хотя бы тем, что больше делает, чем декларирует. России есть, чему поучиться у Организации. Страны-экспортёры нефти, входящие в ОПЕК, давно перешли на стратегию развития, которое последует после нефтяного бума, и они не боятся сворачивания этого нефтяного бума и нефтепроизводства в своих странах. Они развивают перерабатывающее производство нефти и демонстрируют гибкость в плане диверсификации бизнеса.

Оганесян А.Г.:

Интересно, что стратегия сотрудничества сводится к взаимному выживанию в условиях рынка. Я не знаю насколько сильна аналитика в «Монд Дипломатик» - они привлекают каких-то специалистов. Недавно газета выпустила «Атлас», в котором их прогноз совпадает с вашим. Они педалируют тему востребованности ресурсов для США. В этом году США испытывали панику, потому что не знали,

где эти энергоресурсы взять. Назвали цифру - с 20 она скакнула до 60. Значит, у нас есть ресурсы высокого спроса? Если рассматривать ситуацию с геополитической точки зрения, когда возрастает роль Азии, в оборот ввели понятие переориентации торговых потоков, а с этим связано и движение энергоресурсов. Открылись новые рынки. Вряд ли будет совпадать высокотехнологичность США (электромобили) с возможностями других рынков. Не кажется ли Вам, что это будет играть некую компенсаторную роль. Появление новых рынков вызовет падение спроса в развитых странах за счет той тактики, о которой Вы говорили?

Бушуев В.В.:

Я скептически отношусь к тому, что тенденция повышенного спроса рано или поздно проявит себя. Не будет этого повышенного спроса ни в США, ни в Китае, ни в других странах. В США не будет, потому что они четко взяли крен на ограничение своего спроса, включая технологические. Конечно, они поймут результаты своего влечения за сланцевым газом, поймут, что им что-то придется закупать, может быть, не в таких больших масштабах. Я счи-

таю, что Китай перестанет расти такими темпами, как сейчас, с точки зрения экономики и, следовательно, с точки зрения спроса. Китайцы уже четко взяли курс на электрификацию, потому что они понимают, что у них все импортное. Поэтому большого спроса Китая на нефть и нефтепродукты я не жду. В Европе ситуация с энергоресурсами стабильная, в Африке – большой погоды не делают. Дефицита энергоресурсов нигде нет. В Европе, Азии, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке энергоресурсов достаточно. Вопрос только – в цене. Американцам выгодно поддерживать высокие цены – 100-120 долларов за баррель – потому что тогда у них решается политическая проблема освоения собственных ресурсов. Когда заявляют цену за баррель выше 150 долларов, тогда мировая экономика замирает.

Шафраник Ю.К.:

Я соглашусь с тем, что влияние и России, и ОПЕК по объемам ушло в прошлый век. Ирак в короткое время даст в два раза больше нефти, чем раньше. Что касается электромобилей, больший упор делается на аккумуляторы. Уже до 300-500 километров делают про-

бег аккумуляторы, которые производятся, конечно, не в массовом масштабе. Значит, не за горами прорыв. А когда этот порыв произойдет, гигантскими темпами пойдет процесс электрификации, безусловно, в развитых странах. Согласен и с тем, что Китай и Индия сохраняют динамику своего роста, но не на долгую перспективу. Тот факт, что энергоресурсы имеются в достаточном количестве, совершенно очевиден. Вопрос лишь в ценах, инвестициях и технологиях.

Оганесян А.Г.:

Как на этом энергетическом ландшафте Россия может взаимодействовать с ОПЕК, с ее Фондом?

Жизнин Станислав Захарович – президент Центра энергетической дипломатии и геополитики:

Я недавно вышел в отставку из МИДа. Вопросами ОПЕК занимался с 1997 года. Что произошло и изменилось за 13 лет? Прежде всего, интересы. В 1997 году мы написали записку

В.С.Черномырдину о концепции наших отношений с ОПЕК. И было принято решение, не торопясь, развивать наши отношения с ОПЕК, готовить проект меморандума о сотрудничестве, что мы и делали. Активную позицию занимало наше постпредство в Вене во главе с Соколовым Олегом Михайловичем.

А потом жизнь внесла серьёзные коррективы, когда цена нефти упала с 22 долларов до 9 долларов за баррель, и в 1998 год в МИД обратились руководство нефтяной отрасли, руководители крупнейших компаний с просьбой разобраться в ситуации и решить, что нам делать с ОПЕК. Был организован мозговой штурм, и тогдашний вице-премьер Б.Немцов проводил совещание с участием руководителей крупнейших компаний. Был приглашен генеральный секретарь ОПЕК, мы, Россия, были приглашены после этого официально участвовать в министерских встречах ОПЕК, и состоялся наш первый визит в ОПЕК. Если говорить про наши интересы с ОПЕК, то понятно, что мы заинтересованы в стабильном, предсказуемом рынке нефти и в разумно высоких ценах. И не очень хотим вступать в ОПЕК.

Что касается экономических интересов ОПЕК, то они тоже заинтересованы в стабильном, предсказуемом рынке нефти и высоких ценах, таким образом, наши экономические интересы совпадают. Но они хотят вовлечь как можно больше членов в Организацию и усилить своё влияние на мировом нефтяном рынке. Немного про геополитику. Конечно, мы хотим фигурировать как глобальная энергетическая держава. Учитывая, что в системе глобальных центров ОПЕК занимает центральное место, нам нужно развивать с ними отношения. Учитывая, что есть и другие центры - Международное энергетическое агентство (МЭА), Международный энергетический форум (МЭФ), Форум стран экспортёров газа (ФСЭГ), нам нужно дружить и взаимодействовать.

Как развивалась ситуация. На начальном этапе был очень большой ажиотаж на поездки, на министерские встречи в ОПЕК. Все российские компании там «отмечались». Потом, когда цена на нефть поднялась, успокоились, и уровень представительства упал: с ОПЕК начались контакты на уровне замминистров, потом директоров департаментов, они стали ездить на

эти встречи, что было недопустимо. Ведь это международная организация, есть определённый протокол. Да, мы не вступаем в ОПЕК, но хотим поддерживать с ними отношения, а значит должны поддерживать эти отношения должным образом. И вот здесь был провал в отношениях с ОПЕК.

Затем опять цена на нефть рухнула со 150 до 40 долларов за баррель, и Россия подняла уровень отношений до вице-преьера. Игорь Иванович Сечин три раза возглавлял российскую делегацию на сессии ОПЕК: в Вене в сентябре 2008 года, в декабре Иране и в следующем году в марте в Вене. Наши компании приезжали. Если говорить о наших взаимодействиях. Да, они не раз приглашали нас вступить в ОПЕК. Изучался вопрос, мы в МИДе вместе с Минтопэнерго доказали, что вступать не нужно, минусов было больше, чем плюсов.

Что сейчас? Мы передали в 2008 году проект меморандума о сотрудничестве между Минэнерго и ОПЕК. Ответа пока нет. Дальше, какая сейчас ситуация позиционирования ОПЕК на глобальном уровне? Они поддерживают тесные контакты с другими глобальными центрами – МЭА и МЭФ, ФСЭГ. Пока я не вижу

контактов. Сегодня в Эр-Рияде МЭФ, МЭА и ОПЕК проводят очень интересное мероприятие по мировой энергетике.

ОПЕК ведёт активный энергодиалог с Евросоюзом, у них есть механизм взаимодействия, есть четкая повестка дня и диалог регулярный. Брюссель протокол соблюдает, хотя, может быть, и не о чем говорить. Далее - активный энергодиалог с Китаем, достаточно регулярный. Далее с Россией – Россию они упоминают, но, к сожалению, в силу разных причин у нас нет последовательности. Хотя если цена на нефть упадёт, то наши за день-два направятся в ОПЕК, чтобы решить вопрос, как поднимать цену.

У нас сложились определённые механизмы взаимодействия с ОПЕК. Прежде всего, часто в России бывает Генсек ОПЕК, он был принят президентом РФ в Москве в 2008 году. Семинары Россия-ОПЕК: первые два семинара были проведены по линии МГИМО в Вене, затем в Москве – 2003-2004 год. ОПЕК стремился к нам. Третий семинар в 2008 году был проведён, а на четвертый в Вене - туда никто из нас не поехал, и семинар не состоялся.

Ещё одна из форм взаимодействия: ОПЕК перестала приглашать наблюдателей из России на свои сессии. Симпозиумы, один раз в два-три года - очень важные мероприятия. После сессии ОПЕК в Вене проходят симпозиумы, где собираются первые лица, во-первых, все министры ОПЕК, независимых стран, таких как Норвегия, Мексика, приглашают американцев, приглашают все национальные компании стран ОПЕК. Ни разу я не видел там наших представителей, тем более чтобы они там выступали.

Важный факт – в прошлом году был 50-летний юбилей ОПЕК, его отмечали в Эр-Рияде, Россию не пригласили. Насчёт ресурсов ОПЕК - сомневаюсь, что оттуда можно ждать инвестиций в нашу нефтянку, потому что мы конкуренты. Но механизм взаимодействия сложился между нашими компаниями и национальными странами ОПЕК именно в рамках ОПЕК. Это - Саудовская Аравия, Катар, страны Персидского залива. И потом двусторонние отношения сложились, поскольку мы стали встречаться в рамках ОПЕК. Что касается перспектив, то в отношениях с Фондом ОПЕК - нам ничего там не светит, поскольку в

основном в Фонде деньги Саудовской Аравии. Это преимущественно ислам, борьба с бедностью, развитие экологических проектов. Туда, куда заходит Фонд, там начинают развиваться исламские школы, в основном в Африке.

Оганесян А.Г.:

Но они считают, что там есть некий зазор в возможном нашем сотрудничестве на постсоветском пространстве, включая исламские государства. Конечно, развивать там исламские школы таким способом тоже не интересно. Возможно, на пространстве СНГ ОПЕК могла бы рассматривать нас как потенциальных партнёров. Какие-то сигналы, слабые импульсы на этот счёт были? Как Вы к этому относитесь?

Жизнин С.З.:

В основном Фонд очень активен в Казахстане, в Узбекистане, Туркменистане. В Казахстане очень активны Саудовская Аравия и Фонд ОПЕК. Фонд находится под королём, который является хранителем двух святынь ислама. Что мы будем развивать в Казахстане, чтобы наши интересы с Фондом ОПЕК там совпадали?

Иванов Иван Дмитриевич - академик РАН:

Россия – крупнейший экспортёр, не имевший возможности влиять на ценообразование на энергетическом рынке, на это всегда влияли другие. Это заставляло нашу страну занимать промежуточную позицию между потребителями нефти, с которыми Россия контактировала, - это ОЭСР, МЭА, и с другой стороны - ОПЕК, потому что нам не нравилась опековская дисциплина. В свое время мы свои шансы упустили. Сейчас ситуация следующая. Если говорить о наших партнерах, которые потребляют нефть, нам нужно серьезно подумать, прежде чем что-то сделать. Потому что мы любим куда-либо вступать, сначала вступаем, а потом соображаем, для чего это сделали. И вот мы собираемся вступить в ОЭСР, если мы вступаем, то мы должны вступать в Международное энергетическое агентство. У нас существует структура - представительство наших нефтяных ком-

паний в Вене. Они индивидуально или коллективно в Вене работают, а то, что они не выступают на каких-то публичных мероприятиях, не значит, что их там нет, просто они сидят, пишут, слушают, рапортуют. Иногда им даже не рекомендуется что-то говорить.

Что же делать? Я бы вернулся к открытию нашего представительства. Необходимо попытаться выйти на идею совместного конъюнктурного прогнозирования российских экспертов и экспертов ОПЕК, потому что опековцы знают, что у нас есть эксперты, с которыми можно солидно и серьезно говорить. Тогда опековцы были очень заинтересованы в российских экспертах. Если опековцы заинтересованы в сокращении наших производств, я бы это сделал, потому что это ни на что не повлияет. Для нас важен экспорт, а не производство. Кроме того, надо подумать о диверсификации нашего экспорта нефти. Это связано с транспортировкой чёрного золота. 30% экспорта на Азию перевозится по железной дороге, а танкерного нефтяного флота у России, к сожалению, нет. В тех документах, которые подготовил Российский союз промышленников и предпринимателей, предла-

гается начать энергетический диалог под эгидой ШОС. Но меня всегда коробит, когда мы хотим находиться под чьим-то крылом, как будто у нас нет самостоятельности. Я думаю, что эта идея вредная, потому что ШОС создавалась как организация по безопасности. Получается, что на задний план уходит безопасность, а на первый план выдвигают экономику и энергетику, и мы окажемся в непонятном положении, опять же в противодействии к странам – потребителям нефти. Вместо того чтобы выступать под эгидой ШОС, надо, по примеру Европейского союза, установить свой диалог с ОПЕК.

В документах, которые подготовил Российский союз промышленников и предпринимателей, предлагается еще один диалог – только не со странами ОПЕК. Я, честно говоря, не знаю, что это нам даст – кроме недовольства ОПЕК, ровным счетом ничего. Стремление России расширить диалог с ЕС, в частности с Норвегией, с Алжиром, будет встречено отрицательно и с норвежской, и с алжирской стороны.

Есть еще один момент, в котором нам надо определиться. Все крупные страны-экспортеры, почти

все, находятся в ОПЕК, кроме Средней Азии. Не совсем понятно, куда собираются идти Азербайджан и Казахстан – в ОПЕК или лучше остаться вне этой организации. Мне кажется, что в данной ситуации нам надо оценить, как нам надо поступать. Ведь эта зона ОПЕКом не закрыта, она очень близка к нам, и мы четко должны видеть перспективы этих двух стран.

Никифоров Олег Николаевич – ответственный редактор, «Независимая газета-Энергия»:

Я хотел бы сказать по поводу взаимодействия Фонда ОПЕК и России, о возможном их сотрудничестве. России нужны инвестиции как раз в те регионы, которые отстают, где преобладает ислам, - это республики Северного Кавказа, республики Поволжья и Урала. И надо найти взвешенную позицию между тем, что нам угрожает и что мы могли бы приобрести.

Горбань Александр Васильевич - директор Депар-

тамента экономического сотрудничества МИД России:

Наше обсуждение уже приняло интерактивный характер. Мне бы хотелось отреагировать на те мысли, которые были уже высказаны в ходе нашей дискуссии.

Абсолютно согласен с последним выступающим в том, что формы сотрудничества с исламскими странами, так и с республиками Российской Федерации, где преобладает ислам, могут быть и должны быть найдены.

Минфин сейчас интересуется исламским ведением банковского бизнеса. В этом плане просматриваются интересные перспективы не только на пространстве СНГ, где мы вынуждены помогать либо в виде гуманитарной помощи, либо в виде льготной помощи, но, в том числе, и с бывшими нашими республиками, где преобладающим является исламское население.

И этим надо серьезно заниматься. Сотрудничество с ОПЕК должно быть многогранным. Что касается открытия представительства, на сегодняшний день об этом даже и речи нет. Максимум, на что мы можем рассчитывать, надо начать работу над меморандумом о сотрудничестве России и

ОПЕК. Что касается встреч, и тем более встреч экспертного характера, они тоже, конечно, должны быть. Здесь у нас обоюдный интерес. Но поскольку Восток – дело тонкое (в основном страны ОПЕК – восточные), то надо просто с уважением к ним относиться. Что касается вступления в ОЭСР, МЭА, мы не можем пока этого сделать. Не будучи членом ОЭСР, мы не можем претендовать на членство в МЭА. С моей точки зрения, вступление в ОЭСР – гораздо серьезнее и важнее, чем вступление в ВТО, поскольку ОЭСР является своеобразным аккумулятором идей и очень богатого опыта социалистического и капиталистического соревнования. Из этого, кстати, мы можем многое почерпнуть. Формы сотрудничества с МЭА - какие мы захотим, такие и выберем. Но мы не обязаны туда вступать и тем самым раздражать ОПЕК. Нашими последовательными шагами, даже если они не отвечают интересам ОПЕК, мы слишком сильно их не обидим. В практику ОПЕК, и это всем членам известно, входит принимать решение не увеличивать экспорт нефти, а страны это делают. Когда Саудовская Аравия существенно увеличила экспорт нефти,

ОПЕК на это очень серьезно обиделась. А мы захотели увеличить и увеличили - всегда можно сказать, что мы так решили в джентельменском соглашении. Что касается ценовой политики, конечно, это болезненный вопрос. Что и когда будет происходить, практически не возможно. Более того, если мы заглянем в прошлое, никто не мог предположить, что цена за баррель может достичь 148 долларов. Конечно, эти ценовые «пузыри» надуваются там, где они могут. И здесь главенствующую роль играют финансовые спекулянты. Никто повлиять на эти финансовые махинации не может. Мы недооцениваем психологический фактор финансовых спекулянтов. Когда они испугаются и будут выводить капиталы, они сами не знают. Но это может случиться в любой момент. Влиять на это можно только создав мощную финансовую структуру. Сейчас «Двадцатка» пытается этим заняться, хотя пока реально никаких успехов нет. Сейчас председательствовать в «Восьмерке» и «Двадцатке» будет Франция. В этой связи Николя Саркози выступил с очень интересной инициативой, в том числе касающейся нашего сегодняшнего обсуждения,

именно он предложил России разработать новую систему ценообразования сырьевых товаров. Это не только углеводороды, но и продовольственные товары, и металлы, и т.д. и т.п. Несмотря на то что мы в целом поддержали инициативу Франции, я не заметил, что кто-то серьезно этим бы занимался. А вопрос очень серьезный.

Нестеров Валерий - старший аналитик по нефти и газу инвестиционной компании «Тройка Диалог»:

Очень интересно и приятно находиться в такой академической среде. Я представляю в определенной мере интересы бизнеса и то, как это в бизнесе делается. Тема эта очень большая. Я давно работаю в отрасли. Работал в Министерстве, был когда-то начальником Отдела мирового опыта при Юрии Константиновиче (министре). Тема МЭА-сотрудничества со странами ОПЕК имеет действительно длинную и довольно грустную историю. И в результате мы до сих пор читаем такие отзывы, что это определенного рода театр, что очень много лицемерия, неискренности, и, в общем-то, нет толка от этого сотрудничества. И конечно, я не думаю, что наше сегодняшнее собрание эти

вопросы в какой-то значительной мере решит и подвинет, начиная с того, что точек для сотрудничества действительно немного. Сотрудничество становится актуальным тогда, когда резко падают цены на нефть и все производители начинают думать, что же делать.

Нам нужно более тесное сотрудничество с Европой. Здесь мне не совсем было понятно вступление в ОЭСР, Международное энергетическое агентство. Мы, конечно, можем чего-то не знать, но нам представляется, что такое партнерство – вступление в МЭА - очень полезно. По крайней мере, для нас, аналитиков рынка. Например, наша компания очень тесно сотрудничает на уровне нефтяных и газовых аналитиков, потому что мы помогаем им понять Россию, интерпретировать, что писать им про нас в outlook. Они нам помогают тоже очень хорошо: предоставляют информацию по миру и по методологии и т. д. Мы встречаемся, когда они приезжают в Москву. Это происходит на уровне общения экспертов, на уровне общения с клиентами нашей компанией.

Мы с большим уважением относимся ко всем прогнозам и читаем, как наши, российские прогнозы, которые

много и справедливо критикуются, особенно по части газа. И читаем прогнозы аналитического управления Министерства Энергетики США и МЭА и т. д. Мы и рынок не верим прогнозам. Или верим своим прогнозам. Вот здесь лежит прогноз ВР, который только вышел. И тот же господин Руэль, уважаемый человек, будет доказывать, что спрос в Китае будет высоким и в этом десятилетии. И то, что нефть будет падать в энергобалансе, но объем нефти будет расти. Все очень интересно и насчет электромобилей. Просто жизнь очень меняется. Мы бываем очень категоричны в первых оценках сланцевого газа или чего-то еще.

Возвращаясь назад, к тематике ОПЕК, следует более осторожно исходить из того, что нефти будет потребляться больше, чем сейчас. Пусть этот темп будет меньше процента, но все-таки. Будут региональные сдвиги потребления. Но несомненно, что нефть становится труднодоступной, дорогой. И все равно ресурс на ограничения есть очень серьезный. Недаром за них борются наши нефтяные компании, и идет битва вокруг налогов. И вот в связи с этим в будущем, конечно, в перспективе нефть будет

востребована, а производить эту нефть будет ОПЕК. Сейчас 40% по прогнозам, (я в них верю, потому что там много ресурсов, у нас мало, у Норвегии мало) дальше будет 46%, 50% и больше. Поэтому если есть возможность (другое дело, если они не хотят), но мы обязательно должны с ними хотя бы разговаривать. Все время поддерживать рабочие контакты и, наверняка, точки соприкосновения общих интересов найдутся. И поэтому, конечно, важно сотрудничество России с ОПЕК. Россия не должна отставать не от других стран, не от других организаций.

Горбань А. В.:

Очень приятно слышать и видеть представителя бизнеса здесь, поскольку иногда активно участвуют представители деловых кругов, а иногда не очень активно. Что касается МИДа, то мы достаточно активно участвуем во всех мероприятиях. Мы, наверно, меньше заняты, чем представители других министерств, я не знаю. И уж, по крайней мере, если уж нас за полгода приглашают, мы четко можем ответить, будем мы в этом участвовать или нет. Что касается нашего сотрудничества с МЭА, то речь идет либо о нашем вступле-

нии, либо о невступлении туда. Невступление отнюдь не означает, что не надо с ними сотрудничать, и мы сотрудничаем достаточно активно. Руководство МЭА бывает в Москве, и наше руководство с ними встречается, и контакты по линии МИДа идут постоянно. В этом плане нет никаких проблем у нас. Еще, что очень приятно отметить, что Вы формулируете задачу бизнеса, т.е. представляете, что бизнес хочет. Поскольку подчас внятного ответа от бизнес-кругов мы не можем получить, чего бы мы хотели от такой-то организации или от другой организации. Либо ответ такой, что он может быть сравним с не очень адекватным. Потом, когда впоследствии выясняется, что благое пожелание, которое с площадки бизнеса к нам поступило, оно не просто нереализуемо, оно, к сожалению, может идти во вред самому бизнесу. Это, к сожалению, тоже случается. Но это не касается таких продвинутых компаний, которые вы представляете.

Оганесян А.Г.:

Александр Васильевич, Вы об этом говорили в начале нашей дискуссии. То же самое я слышал от наших дипломатов и постпреда.

Нам иногда надо просто встречаться с нашими зарубежными коллегами и с представителями ОПЕК, чтобы разъяснить наши шаги, которые мы предпринимаем. Чтобы это не падало на них с небес, хорошо было бы, чтобы мы осуществляли какую-то предупредительно-разъяснительную миссию. Неважно кем, какое ведомство он представляет как источник информации. Это вакуум в разъяснении иногда собственных шагов, который вызывает обратную и негативную реакцию на самом деле. Поэтому тут союз бизнеса и государства, конечно, очень важен.

Крутихин Михаил Иванович - партнер компании «RusEnergy»:

Я думаю, что неплохо было бы представить себе ситуацию с другой стороны. Скажем, со стороны ОПЕК. Т.е. не мы пытаемся определить, как нам с этой организацией сотрудничать, в каких формах, стоит ли нам с ней сотрудничать и что нужно делать. А давайте посмотрим, как ОПЕК на нас может вообще смотреть как на потенциального партнера по сотрудничеству, по консультациям и т.д. Во-первых, если я приду к какому-то своему клиенту (а мы консультируем иностранные компании, посольства, аудиторов, банки и т.д.) и скажу,

что мы свои рекомендации строим на основе стратегии,- у нас есть такие замечательные энергетические стратегии на 2020 год, 2030 год, но никто на эти стратегии не ориентируется. Во-первых, опыт показал, что на них нельзя ориентироваться как на документ, несущий практически реальные цифры. Во-вторых, потому что эти стратегии просто не оправдываются. Чтобы общаться с бизнесом и опековцами, нужно представить себе с их стороны, с кем они имеют дело. То есть, кто принимает решения и чем эти люди руководствуются, когда принимают решения. Пока со стороны ОПЕК видно, что в России нефтя-

ная добыча (ее прогнозирует стратегия), вырастет до 535 млн. тонн в год. По другим прогнозам, она все-таки будет стагнировать. Мы видим, что только несколько проектов вытягивают каким-то образом эту добычу. И потом мы видим, что, например, средний размер нового нефтяного открытия в период с 2004 по 2009 год составил 2 млн. тонн нефти в одном открытии, в одном месторождении. То есть открывают мелкие резервуары, которые не имеет смысла крупным компаниям разрабатывать. Если мы говорим о гигантских запасах, например, в Карском море, то надо учитывать, что эта нефть будет золотой и что никто в течение ближайших 10 лет эту нефть не получит, если она вообще там есть, а не минеральная вода. Оценивая с точки зрения ОПЕК роль России, нужно ориентироваться на то, что Россия не будет увеличивать свою роль на рынке, мало того, существуют еще и другие неясности. Каким образом пойдет российская нефть на экспорт и в какую сторону? В Азию или в Европу? Мы видим, что в настоящее время из Западной Сибири, откуда нефть должна была бы пойти на экспорт в европейском направлении, все больше и больше ее идет

сторону Казмино, в сторону Скороводино, Дацины и т.д. То есть на Азию переключаются какие-то потоки нефти. Как можно что-то прогнозировать в отношениях с Россией, когда, например, возникают проекты по закрытию экспортных проектов, таких, как «Дружба»? Я хочу напомнить, что этот проект 2007 года, когда на предложение Вайнштока из «Транснефти» Путин просто написал «Согласен». Есть у меня такой документ, где Вайншток просто предложил закрыть обе ветки «Дружбы» и построить эту самую БТС-2, перебросив полностью весь поток нефти, лишив таким образом нефти Венгрию, Польшу, Словакию и Чехию, не говоря уже о Прибалтике. Эта идея сначала столкнулась с активным сопротивлением МИДа. Два года налаживали отношения с Венгрией, Чехией и Словакией, а это одним ударом лишает МИД всех дипломатических успехов. После этого было решено только северную ветку «Дружбы» закрыть. А сейчас неизвестно, что закроют, что не закроют и куда эта нефть пойдет. Так что с точки зрения ОПЕК предсказать, каким образом Россия поведет себя как производитель, как экспор-

тер нефти, это не всегда представляется оправданным. Затем надо, конечно, посмотреть на большую разницу, которая существует между членами ОПЕК и Россией в том плане, что там, в основном нефтяные компании национального типа, которые преследуют национальные интересы с национальными правительствами. В России же интересы, которые преследуют наши нефтеэкспортеры, мягко говоря, они в основном шкурного характера, а не национального. Здесь вспомнили тот момент, когда по просьбе ОПЕК снижали добычи нефти в России. Но я хочу напомнить, что снижался поток чуть ли не на несколько дней, а потом это пошло в дополнение к прежней добыче, ее на столько же и подняли. Поэтому с точки зрения ОПЕК, как с нами вообще иметь дело. Была идея Ирана и России - вначале создать газовый ОПЕК каким-то образом. Расчет был на то, что будет существовать какой-то газовый картель или газовый ОПЕК (это была еще язевская идея в свое время), иранцы поддержали. Сейчас эта идея превратилась в форум, где Россия поняла, что она не может играть никакой роли участника ка-

кого-то картельного сговора, поскольку главную роль там играет Катар и другие производители сжиженного природного газа. С точки зрения нефти, тут никакой выгоды, никаких интересов у российских производителей и экспортеров газа абсолютно нет. И совершенно правильно нефтяные компании не посылают своих представителей на семинары, симпозиумы и сессии ОПЕК, поскольку это им действительно неинтересно. А если представители правительства начнут туда ездить, то опековцы на них посмотрят и скажут: «А что вы можете сделать?». Единственная роль России - оципывать эти нефтяные компании так, чтобы у них денег фактически не оставалось. А урегулировать каким-то образом экспорт просто не в состоянии. Просто даже не хотят, поскольку таковы интересы определенных групп в правительстве. Разные идеологии, разные системы оценки добычного, экспортного потенциала. Поэтому замечательно, если мы будем развивать такие формы сотрудничества, как семинары, симпозиумы, но никакой координации с ОПЕКом у нас, я думаю, не получится.

Бушуев В.В.:

Честно говоря, меня немножко угнетает пессимизм, который прозвучал в устах Михаила Ивановича. Не по поводу стратегии, а по поводу уже и сотрудничества. Если бы мы не представляли бы никакого интереса для западных или восточных стран, то никто бы к нам и не ездил. А они все ездят, все интересуются, все зондируют почву, предлагают сотрудничать с нами. Это говорит о том, что мы для мирового сообщества полезны и значимы. В частности, и представители ОПЕК на всех конференциях, на всех форумах: «ТЭК-XXI век», «Международная энергетическая неделя» и т.д. они все присутствуют и, причем, на самом высоком уровне, не только слушают, но и обсуждают эти проблемы. Другое дело, может ли Россия физически повлиять на эти процессы или может ли она повлиять на эти процессы политическими методами и мерами. Вот тут я согласен с тем, что физически реально повлиять на реальные процессы поставок нефти и т.д. Россия не может. Ее доля не столь значительна, поэтому реально она повлиять не может. Но надо понимать и другое, что и финансовые процессы повлиять на российский ТЭК тоже не могут.

На примере той же энергетической стратегии, которую хаот все и вся, могут только один пример привести. Да, мы базировались на динамике роста цен, которую задавало Министерство экономики в 2003 году до 30-40 долларов, а она скакнула до 150. Но реальные объемы поставок, добычи нефти, поставок нефти на экспорт изменились при этом на 2-3%. Никакие внешние макроэкономические факторы, а тем более политические факторы, на реальные процессы поставок не влияют. Но это не значит, что мы не можем своими угрозами и положениями повлиять на некоторые процессы в ту или другую сторону. Тот пример, в котором мне приходилось участвовать, мы реально не снизили ничего, только пообещали на 150, приняли решение снизить на 50, не снизили ни на йоту. Но, тем не менее, подняли на 2-3 доллара цены вверх. Т.е. мы можем влиять на это сообщество. И я думаю, пессимизм здесь вряд ли оправдан.

Оганесян А.Г.:

А может ли наоборот ОПЕК влиять на нас?

Жизнин С.З.:

ОПЕК и Россия. Россию, Казахстан и Азербайджан

рассматривают как потенциальных членов ОПЕК. Сейчас больше всего они заигрывают с Казахстаном, поскольку их интересует Каспийский регион. Первая цель сейчас у них - Казахстан.

Оганесян А.Г.:

Стоит ли нам тогда настаивать на вступлении в ОПЕК?

Нестеров В.:

Я был на встрече с Федунем, вице-президентом «ЛУКОЙЛа». Есть мнение, что нам нужно вступить в ОПЕК.

Крутихин М.И.:

Я хотел сказать по поводу чрезвычайно активного внимания иностранных инвесторов к российской нефтегазовой промышленности. Как показывает последний опыт, крупные иностранные инвесторы не идут в российскую нефтегазовую промышленность, ограничиваясь своим мониторингом ситуации. За то время, что я с 1993 года занимаюсь консультированием этих инвесторов, прошло несколько периодов. Первый был периодом эйфории, когда мы помогали создавать совместные предприятия. Тогда сюда стремились десятки боль-

ших и маленьких иностранных инвесторов. По моим подсчетам, из ста сформированных предприятий сорок-сорок одно совместное предприятие действительно занимались добычей нефти и газа в России. Затем наступил период, когда мы консультировали иностранных инвесторов только на один предмет - каким образом убраться из России и сохранить на себе еще штаны. Затем наступил период чистого мониторинга ситуации. Поскольку происходит что-то совершенно нелогичное, необъяснимое с точки зрения экономики и здравого смысла. Приходилось это все объяснять. Сейчас наметился такой период, когда некоторые компании находят какие-то ниши и работают. Это поставщики технологий, это небольшие компании, например, японская компания, которая с Иркутской нефтяной компанией завязала отношения и даже сделали открытие и, в общем, вполне нормально работают. И крупные компании уходят. Когда мне говорят о примере «BP» (British Petroleum), то эта компания настолько завязла в России и стала уязвимой к любому давлению, компания попала в капкан своей стратегией. Остальные компании ухо-

дят: германские партнеры уходят из «Газпрома», «ЛУКОЙЛ» объявляет, что не 50%, как сейчас иностранного бизнеса у него будет, а будет 70% иностранного бизнеса через несколько лет, потому что в России работать совершенно невозможно. Плохой инвестиционный климат. Что говорить, что иностранные инвесторы заинтересованы в России? Мониторить ситуацию – да, они заинтересованы, а работать – нет.

Щербанин Юрий Алексеевич - заведующий кафедрой Дипломатической Академии:

Я хотел бы вначале отметить, что у нас сложилось в нашем обществе, у нас в стране, что ко многим таким известиям, приходящим из-за рубежа у нас складывается определенный скептицизм, недоверие. Я помню, как в начале 1990-х годов, когда ИКАО заявило, что, начиная с 2001 года, не будет допускать самолеты с повышенным уровнем шум-

ности, у нас не поверили. Но когда в 2001 году запретили, тогда немного пришли в себя. Я веду к тому, что я, помимо заведования кафедрой Дипломатической Академии, работаю в Институте народно-хозяйственного прогнозирования и занимаюсь вопросами транспорта. Сфера моих интересов – это транспорт и энергетика. Участвуя в последних двух международных транспортных форумах (которые проходят раз в год), в прошлом году очень активно показывали и приводили много показателей о развитии и строительстве заводов по производству электромобилей. Германский министр транспорта заявил, что в 2012 году они приходят уже к массовому производству, сейчас они готовят инфраструктуру. Я не хочу сказать, что через 2-3 года весь мир перейдет на электромобили. Но когда в начале 1990-х годов сказали, что будущее за мобильными телефонами, тоже не поверили. А сейчас проблема телефонизации, в частности в России, полностью решена. Поэтому, если вдруг действительно произойдет какой-то скачок (а на транспорте ждут качественного скачка), то ли это будут так называемые «экзоскелеты», то ли еще что-то. Вероятно,

что потребление энергоресурсов на транспорте будет снижаться. Тогда возникает вопрос: зачем делать длительную стратегию, если очень большой кусок отойдет в электричество. И что нам тогда делать с нефтью, с нефтепродуктами и т.д.? Здесь, конечно, есть определенное поле для обдумывания: как выстраивать нефтяную стратегию для России. Хотя она как идет, так и идет (я имею в виду сотрудничество и выход России с нефтью, с нефтепродуктами на международные рынки). В части, касающейся ОПЕК, я хотел бы сказать, что, безусловно, масса народу видела кинофильм «Белое солнце пустыни», но знаменитая поговорка, что «Восток – дело тонкое» так и не дошла до сознания и практики. И вот такое безалаберное взаимоотношение со странами ОПЕК, с организацией ОПЕК, а это было заложено в 1998 году. Я не хочу повторять те интересные детали, которые происходили при организации первой встречи Лукмана и Немцова. Конечно, восточные люди, выстраивая взаимоотношения с Россией (а у них, конечно, другой менталитет), все помнят. Вот, например, проект соглашения (меморандум) Минэнерго и

ОПЕК. Все нефтеэкспортные страны имеют одно министерство и одну компанию. А у нас одно министерство и десяток компаний. Нас спрашивают, как это координировать? Что Минэнерго может сделать по большому счету, с точки зрения координации и т.д.? Поэтому я согласен с директором департамента Александром Васильевичем в том, что сотрудничество должно быть многогранным. Сейчас, когда нет такого официального документа о сотрудничестве России и ОПЕК, семинары и встречи все равно проводятся. Это надо хорошо использовать. Смотрят, отслеживают, если страна вступает в ОЭСР, то страна будет вступать и в другие организации, в частности в МЭА. Здесь много вопросов. Мне кажется, что речь о вступлении России в ОПЕК такая же риторическая, как и речь о вступлении России в Евросоюз или в НАТО. Потому что все понимают, вступи Россия в ОПЕК, завтра скажут: «Ограничьте добычу!», нефтяник скажет - «Вы что?». Тогда мы будем меньше качать. Мы что будем сокращать? Только порт «Приморск» отгоняет 85 миллионов в год. Питерский порт наращивает экспорт. Речь о членстве в ОПЕК не

идет, это не очень серьезно, на мой взгляд. Что касается Казахстана и Азербайджана – аналогичная ситуация. Казахстан заявил, что их цель добывать 100 миллионов тонн в год (15 миллионов – потреблять сами, 85 млн. – экспортировать), потому что они хотят на ближайшие 10-15 лет делать деньги за счет добычи нефти и страну превратить во второй или третий Кувейт. Им не нужен ОПЕК. Там все настроено на экспорт. А в ОПЕК вступишь, тебе скажут, что надо завтра убрать со ста миллионов до 20. Азербайджан также. Мне кажется, пока на данном этапе, с нашими соседями такая ситуация. Что касается, нуждаемся ли мы в иностранных инвестициях, можно посмотреть на выполнение федеральных целевых программ. Здесь целый ряд вопросов.

Оганесян А.Г.:

А можно ли наладить такой треугольник сотрудничества (Россия, Казахстан, Азербайджан)? Или они совершенно не заинтересованы?

Щербанин Ю.А.:

Вы знаете, мне кажется, что в Казахстане, ситуация двойственная. С одной стороны, сейчас пытаются все объединить (Таможенный союз), но свои национальные инте-

рессы присутствуют. А зачем казахам делиться? Мы разве с кем-то делимся?

Оганесян А.Г.:

Тут должен быть мотив.

Щербанин Ю.А.:

Да, тут должен быть мотив. Сейчас Казахстану хорошо. У нас – Таможенный союз. Они, возможно, повезут свои нефтепродукты в прибалтийские порты, еще куда-то.

Оганесян А.Г.:

А Украина? Как ОПЕК с Украиной? Они говорят о сланцевом газе как о какой-то альтернативе.

Щербанин Ю.А.:

Мне очень сложно комментировать Украину, потому что Янукович – одно, Тимошенко придет – будет другое. Ющенко был – было третье. Поэтому здесь, мне кажется, личностный фактор может доминировать.

Оганесян А.Г.:

А как Вы думаете, каков политический анализ будущего ОПЕК? ОПЕК располагает политическим анализом или чисто экономическим, конъюнктурным? Я просто не знаю структуры, на что они опираются.

Щербанин Ю.А.:

Мне кажется, что представи-

телю МИДа удобнее будет ответить на этот вопрос. Все-таки больше информации стекается на Смоленскую площадь.

Жизнин С.З.:

Они занимаются этим. Как я понимаю, информацию дает в основном Саудовская Аравия. Саудовская Аравия очень много денег на это тратит и нанимает специалистов, в том числе и здесь, в Москве, чтобы им дали правильный политический расклад и потом это уже идет в ОПЕК.

Никифоров О.Н.:

Я бы сделал маленькое замечание. Мы мало что знаем о нашем будущем. Немцы недавно провели опрос российских граждан относительно перспектив вступления России в ЕС. Свыше 50% граждан сказали, что Россия должна вступить в ЕС. Я не знаю, как это в будущем отразится. Да, они делали в России массовый опрос, это все есть на сайте «Deutsche Welle», можете почитать.

Нестеров В.:

Я, например, отношусь к таким людям, которые смотрят в сторону Европы. Мне кажется, такие люди считают, что объективная динамика и логика развития

мира, проблемы с исламом, национальных границ и ресурсов и т.д. неминуемо толкают Европу и Россию в объятия друг друга для смягчения внешних опасностей.

Васильев Сергей Константинович - заместитель директора МИЭП МГИМО МИД России:

Станислав Захарович уже здесь рассказал о некоторых формах нашего сотрудничества с ОПЕК. Слава Богу, что стабильность нашего сотрудничества с ОПЕК не зависит от цен на нефть. Это стабильное сотрудничество. Станислав Захарович (он одновременно является профессором кафедры Международных проблем ТЭК в нашем институте), уже сказал о проведении совместных семинаров, других форумов. Я в двух словах хотел бы еще сказать, что у нас еще проходят такие форумы, как стажировки наших магистрантов в ОПЕК. У нас в 2006 году была такая стажировка, в 2009 году тоже. Говоря о нашем сотрудничестве с ОПЕК, мы заинтересованы и даже вы-

нуждены сотрудничать с ОПЕК, потому что те совместные международные программы, которые мы реализуем в рамках Болонского процесса как по направлению экономики, так и по направлению менеджмента совместно с различными университетами (с Норвежским университетом, Лейпцигским университетом, университетом Бакони в Милане). Они требуют такой нашей активной жизни, тесных связей с теми организациями, в частности с ОПЕК, которые влияют на международную энергетическую жизнь. У нас уже есть определенный опыт совместного сотрудничества с ОПЕК, мы проводим различные мероприятия, в том числе мы проводим отдельные, небольшие, но, тем не менее, совместные исследования. Можно считать, что МИЭП МГИМО может считаться той ареной, той площадкой, на которой это сотрудничество может продолжаться, именно в тех неполитических сферах, в которых мы сотрудничаем. Это подготовка кадров для международного аналитического сотрудничества, обмен опытом, обмен знаниями, обмен научными исследованиями, семинары – то есть в этой области. Одна стажер была выпускницей-маги-

странтом российско-норвежской программы, которую мы ведем. А второй – золотой медалист, выпускник российско-германской программы с Лейпцигским университетом. И все они в области международного аналитического бизнеса. Эти магистранты, выпускники, во-первых, были интересны для ОПЕК как будущие профессионалы в этой области, и, естественно, это для нас большой престиж и огромный интерес для тех студентов, которые приезжают к нам буквально из различных стран. Хотелось бы воспользоваться случаем, сказать, что наши программы магистерской подготовки, которые мы проводим совместно (сейчас мы планируем установить с французами такие же программы, с другими университетами: с Лондонским университетом, с университетом Данди, возможно), пользуются очень большим международным спросом у стран СНГ, европейских стран. Из многих стран люди проявляют заинтересованность, приезжают к нам учиться. Это достаточно интернациональный коллектив – как магистрантов, студентов, так и преподавателей. И наше сотрудничество продолжается. Мы буквально на днях полу-

чили очередное приветствие от генерального секретаря и их oil outlook, то есть ревю. Мы все время, постоянно находимся с ними в контакте.

Серебряков Сергей Георгиевич - руководитель Центра проблем глобализации мировой энергетической системы:

Здесь достаточно много обсуждалось, что необходимо в той или иной степени сотрудничать с ОПЕК. Мне кажется, что одной из форм такого сотрудничества была бы какая-то программа или какие-то совместные исследовательские проекты с Академией наук. В Академии наук такие программы существуют сейчас с ведущими нефтяными компаниями, такими как «Shell», с некоторыми другими. Здесь как раз можно было бы продолжить ту линию, которую начали в институте МГИМО, но здесь уже больше по линии научно-исследовательской. У нас существует достаточно много институтов Академии наук, которые занимаются самыми разными вопросами. Если брать проблемы нефти и газа, мы больше занимаемся самой нефтью, самим газом. У нас есть и экономический институт, и институт, который занимается политическими вопросами. Здесь

можно было бы широко организовать какое-то сотрудничество, какие-то проекты. Продолжая мысль коллеги из МГИМО, - это мое персональное предложение, - не надо забывать, что есть еще такой Российский университет нефти и газа, который недавно получил статус национального исследовательского университета. Я там работаю профессором, и мне кажется, что его тоже можно было использовать как еще одну площадку для обучения в магистратуре, организовывать стажировки и проводить совместные проекты.

Оганесян А.Г.:

Страны-члены ОПЕК заинтересованы в таких программах научно-вузовского сообщества магистерского уровня, защищать диссертации, просто учиться?

Серебряков С.Г.:

Мне кажется, заинтересованы. Они смотрят в первую очередь на это с позиции того, что, находясь в России, можно получить более объективную информацию, больше получить информации, над которой можно будет потом работать.

Оганесян А.Г.:

Вы согласны? Страны ОПЕК в этом заинтересованы?

Васильев С.К.:

К нам недавно на конференцию приезжала делегация Боливии, ее посол (это не страна ОПЕК, но нефтяная латиноамериканская держава). И целых два дня они провели у нас в институте, исследуя все: программы и очень были заинтересованы в том, чтобы в магистратуре у нас учиться.

Жизнин С.З.:

Я представитель преподавательского цеха. В разгар наших хороших отношений – МИЭП и ОПЕК, у ОПЕК была идея и без нас создать Университет ОПЕК, чтобы у него был отдельный фонд. Идея прорабатывалась, вопрос был, в каких странах, где, но они так и не определились: кто-то хотел в Вене, кто-то хотел в Париже. Но так и не договорились где. Саудовская Аравия хочет у себя, может он там образуется, там строится огромное здание.

Бушуев В.В.:

У меня есть маленькая ремарка. Армен Гарникович, когда Вы говорили о том, что занимается ли ОПЕК политическими вопросами и т.д. Я один пример приведу. Пять лет назад мне удалось познакомиться с интереснейшим докладом ОПЕК, подготовленным

специалистом ОПЕКА «Нефть и экология», в котором они рассматривали экологический фактор не как ограничение на развитие нефтяного бизнеса, а как новый вид бизнеса, который придет на смену нефтяному бизнесу. Вы говорили о том, что надо сотрудничать с ОПЕКом, чтобы спастись. Я думаю, что вместе с ОПЕКом надо говорить не о том, как спасти нефтяной бизнес, а как трансформировать нефтяной бизнес, в новый вид бизнеса, который рано или поздно придет на смену нефтяному.

Щербанин Ю.А.:

Еще хочу добавить по поводу системы подготовки. На мой взгляд, проблему надо разделить как минимум напополам. Есть страны ОПЕК, которым неинтересно обучение в РФ - это некоторые страны Арабского Востока. Есть страны, которые своих студентов и так сюда засылают. Надо пришлют в Тюмень или в Уфу. Еще в советские годы у нас была такая политика: нам надо ковать свои кадры в каждой стране, чтобы были нефтяники советского разлива, строители советского разлива и т.д. И у нас это было. Для страны это было нужно, выгодно и важно. Сейчас этого нет.

Сейчас коммерциализация ВУЗов, поэтому строить здесь политику нужно очень осторожно, взвесив все за и против.

Громов Алексей Игоревич - заместитель директора по науке Института энергетической стратегии:

Я человек новый в такой представительной группе экспертов, но, тем не менее, так же формируется своя точка зрения на перспективы действительного сотрудничества России и ОПЕК. И, вообще, как нам надо себя позиционировать в канве сотрудничества нефтяной сферы. На самом деле, наиболее выгодная позиция сегодня для нас – это равноудаленное сотрудничество со всеми организациями, которые работают в этой сфере. На мой взгляд, это наиболее удачная позиция для нас, потому что сегодня Россия (я подчеркну этот момент) не имеет ярко выраженной политической линии. Нам выгодно иметь равноудаленное сотрудничество, не затрагивающее сферу вступления в те или

иные организации в энергетической сфере, а фактически мы со всеми должны поддерживать хорошие отношения. Почему я об этом говорю? Да потому что сегодня Россия, на мой взгляд, играет в чужие игры. В том смысле, что энергосбережение - это не наша, как говорится, игра. Те квоты, связанные с производством и добычей углеводородного сырья, о которых постоянно говорится на международном уровне, это опять же не наша политическая идея, не наша политическая игра. И вот до того момента, пока мы не сформируем нашу политическую линию на международной арене, нам необходимо вести крайне осторожную и действительно равноудаленную политику взаимодействия с такими влиятельными энергетическими игроками и энергетическое агентство и ОПЕК и так далее.

Оганесян А.Г.:

Мне кажется, что мы плавно нашупали не так много возможностей для модуля сотрудничества. Но, тем не менее, они обозначены, но один момент прозвучал в самом конце, о котором я хотел сказать. Некоторая линейность нашего подхода к энергоресурсам, выражающаяся в том, что мы сознаем

падение спроса, это действительно так. Но нефть и нефтебизнес настолько мощные, что вполне могут спровоцировать конверсию нынешнего состояния. Будет ли это нефтехимия в каких-то немислимых проявлениях, каких мы сейчас не знаем, будут ли это прорывные, какие-то новые технологии. Это идея Юрия Константиновича - он говорит, что нефтянка и газ могут стать локомотивом совершенно новых отраслей и инновационных открытий. Нефть, ее цена, научный потенциал, вполне возможно профинансиро-

ванный соответствующим образом, и сама жизнь заставят, силы давления на эту индустрию заставят искать способы выживания. Мы сейчас, находясь здесь с вами, не можем предсказать это и почувствовать. Я думаю, что это как раз бьет по интересам и России, и стран ОПЕК. Мы хотим, чтобы большая нефть выжила, а не падала, чтобы интерес к ней не снижался. Я думаю, что здесь как раз возможны пути сотрудничества. Все, кто занят компьютерами, сейчас потрясены открытием графена, который позволит превратить компьютер в бумагу, свернуть его и положить в карман. Кто бы мог сказать, что открытие графена приведет к таким сногшибательным результатам и придет из той области фундаментальных наук, от которой никто не ожидал таких результатов. Сейчас это реальность в области фундаментальных и практических наук. Я думаю, что нечто подобное может совершить творческий кульбит во всей индустрии (и желательно в этом тоже сотрудничать). Спасибо огромное вам за плодотворную работу!

Редакция журнала "Международная жизнь"
 Главный редактор **Армен Оганесян**

Адрес в интернете: <http://www.interaffairs.ru>,
 электронный адрес: journal@interaffairs.ru

Руководитель электронного издания -
Валентина Злобина

Адрес: 105064, Москва,
 Гороховский переулок, 14
 Телефон: +7 (499) 265-37-81
 Факс: +7 (499) 265-37-71

Расшифровка -
Ольга Иванова
Елена Шашкина

Дизайн, макет, верстка -
Антон Пантюхин

Фотографии -
Владимир Андрюшин